

УДК 1(091)+101.1:316

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет

ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА: ФЕНОМЕН XXI ВЕКА

В статье осуществляется анализ трансформации и сущности современной войны. В качестве причин возникновения такого нового феномена, как тотальная война, называются следующие: становление общества модерна, глобализация, деконвенционализация, ослабление суверенитета национального государства, подмена политики экономикой. Существенные изменения, связанные с трансформацией современной войны, заключаются в том, что война из преступления превращается в полицейскую акцию; разрозненные проявления терроризма трансформируются в глобальный терроризм; происходит размывание границ национальных государств, что, в свою очередь, лишает их права на национальный суверенитет; регулярная война, основанная на принципах Публичного европейского права, превращается в новую «справедливую войну», стремящуюся к тотальности, которая в принципе не может быть завершена мирным договором. В статье в качестве основного вывода утверждается, что современный мировой порядок базируется на тотальной войне, а партизан будет трансформироваться в террориста до тех пор, пока не будет признан как политический субъект.

В статье отмечается необходимость осмысления процесса трансформации современной войны, анализа таких ее сущностных свойств, как тотальность и гибридность, не только в пространстве военной теории, но и в сфере социально-гуманитарного знания. В качестве методологической базы исследования феномена тотальной гибридной войны автор статьи приводит современные концепции войны М. Хардта, А. Негри, К. Шмитта, М. Калдор.

Ключевые слова: тотальная война, гибридная война, конвенционализация, мир, глобализация, империя, множество, партизан, терроризм.

I. N. Sidorenko

Belarusian State University

THE TOTAL WAR: THE PHENOMENON OF THE 21TH CENTURY

The article analyses the transformation and the nature of modern war. There are the reasons for the emergence of such new phenomenon as the total war: the formation of modern society, globalization, de-conventionalization, the weakening of the sovereignty of the national state, the substitution of politics by the economy. Significant changes have connected with the transformation of modern war are that war from a crime turns into a police action; separate manifestations of terrorism are transformed into global terrorism; the borders of the national States are disappeared, that, in turn, deprives them of the right to national sovereignty; the regular war, was based on the principles of Public European law, has become a new “just war” and a total war. This total war in principle cannot be concluded with a peace Treaty. The author of this article argues that the modern world order is based on the total war, and the guerrilla will have been transforming into a terrorist until he is not recognized as the political subject

The author of this article notes the necessity of understanding the process of transformation of modern war, analysis of its essential properties as totality and hybridity, not only in space military theory, but also in the sphere of socio-humanitarian sciences. The author of this article gives the modern concepts of war of M. Hardt, A. Negri, C. Schmitt, M. Kaldor as the methodological base of research of a phenomenon of total hybrid war.

Key words: total war, hybrid war, conventionalization, peace, globalization, Empire, multitude, guerrillas, terrorism.

Введение. Современный мир стремительно меняется, что непосредственно сказывается как на политической сфере, так и на войне, которая из средства политики превращается в саму политику, из средства достижения мира – в сам мир, из ограниченных военных конфликтов – в тотальную войну. Существенные изменения, связанные с трансформацией современной войны, заключаются в том, что война из преступ-

ления превращается в полицейскую акцию; разрозненные проявления терроризма трансформируются в глобальный терроризм; происходит размывание границ национальных государств, что, в свою очередь, лишает их права на национальный суверенитет; регулярная война, основанная на принципах Публичного европейского права, превращается в новую «справедливую войну», стремящуюся к тотальности. В силу

этого назрела необходимость осмысления процесса трансформации современной войны, анализа таких ее сущностных свойств, как тотальность и гибридность, не только в пространстве военной теории, но и в сфере социально-гуманитарного знания. Для анализа феномена современной войны как тотальности обратимся к современным концепциям войны М. Хардта, А. Негри, К. Шмитта, М. Калдор.

Основная часть. Опираясь на осуществленную П. Вагнером реконструкцию эволюции модерна и концепцию современности В. Н. Фурса, можно конкретизировать переживаемую сегодня трансформацию как «завершение организованного модерна» и становление общества постмодерна [1, с. 208–209]. Для общества «организованного модерна» была характерна конвенционализация во всех сферах его жизнедеятельности. Вместе с тем конвенционализация являлась также средством уменьшения общественной неопределенности. Таким образом, до начала 80-х годов XX века социальный мир был, в большей степени, управляемым; тотализация социального надзора вела к исчезновению непрозрачных социальных пространств, а стандартизация поведения обеспечивала укрепление социальной стабильности. В силу этого, войны обществ «организованного модерна» также соответствовали принципу конвенциональности, а их ведение было детерминировано международными нормами и правилами. Это же касается и «холодной» войны, в которой ядерное оружие выступало в качестве противовеса и основания для определенного рода соглашений. Однако сегодня общество «завершенного модерна» трансформируется в общество постмодерна, а зыбкое равновесие мира, основанное посредством конвенциональности, рушится. Отсюда логично предположить, что разменяется мир, то, следовательно, происходит и трансформация войны. Война начинает рассматриваться как «новая конвенция», призванная спасти этот расшатавшийся мир и, в целом, стать самим миром.

Современный глобализирующийся мир М. Хардт и А. Негри определяют как складывающуюся глобальную Империю, в которой происходит размывание границ национальных государств, потеря ими суверенитета и монополии на власть и насилие. Разрастающаяся Империя трансформирует и стратификационную систему обществ. Так, на мировую арену выходят два «класса»: господствующий глобальный класс и множество, организующее само себя и не сводимое ни к массе, ни к народу, ни к толпе. Основная причина трансформаций современного общества заключается в том, что на смену индустриальному труду пришел

«неовещественный» труд, обеспечивающий создание нематериальных благ и эмоциональных реакций. Главной особенностью этого труда стала его способность приобретать общественную форму сетей, основанных на сотрудничестве, коммуникации и эмоциональной привязанности. Нематериальный труд приводит также к созданию новой «неовещественной» собственности, которая может бесконечно воспроизводиться и поэтому способна находиться повсеместно. Однако неовещественная собственность порождает новый вид отчуждения и глобальное подавление. Таким образом, вечный конфликт между угнетателями и угнетенными переносится на пространство глобальной Империи. Против такого тотального порабощения и восстает множество, демократичное по своей природе. Таким образом, согласно мнению М. Хардта и А. Негри, борьба множества с диктатурой господствующего глобального класса превратилась в «войну все против всех», которая обретает всеобщий характер и навязывает свой собственный политический порядок.

Современная всеобщая война происходит в период «межвременья», в ходе которого устанавливаются новые глобальные правила и наблюдается избыток новых властных структур. Множество для таких властных структур, стоящих теперь исключительно на стороне капитала, выступает как опасный класс, в силу чего и повседневная жизнь, и реализация властных функций пронизываются ощущением угрозы и ожесточением, присущими военному конфликту. Таким образом, взаимоотношения между политикой и войной, характерные для обществ модерна, превратились в свою противоположность. Период «межвременья» выгоден для глобального господствующего класса, так как открывает перед ним новые возможности. Этот период характеризуется тем, что в современных условиях война с внешним противником ничем не отличается от борьбы с внутренним врагом. В силу этого возможности ограничения свобод расширяются, а современная война обретает черты, ранее присущие гражданской войне.

Вслед за М. Хардтом и А. Негри можно отметить несколько характерных черт нового политического порядка, конструируемого всеобщей войной. Во-первых, в современных обществах наблюдается переход в политике от «обороны» к «безопасности», что в итоге приводит к стиранию различий между внешней и внутренней сферами, между армией и полицией. Во-вторых, в современных условиях власть, стремящаяся к безопасности, во главу угла ставит не легитимность и лояльность граждан к ней, а порядок, установленный силой. Однако достигнутая так называемая «стабильность» должна

быть опять нарушена, иначе возникает вопрос о необходимости самой силы, обеспечивающей этот порядок. В силу этого состояние многих современных обществ можно сравнить с функционированием ядерного реактора, т. е. система действует до тех пор, пока воспроизводится угроза. В-третьих, «война с террором» приводит к оправданию насилия, к которому власти готовы прибегнуть в любой момент и в любой точке земного шара. Таким образом, современная всеобщая война порождает новый мировой порядок, который М. Хардт и А. Негри считают глобальной Империей, стремящейся управлять миром не посредством прямого насилия в крайних ситуациях, как это делалось в эпоху модернизации, а посредством страха, вызываемого угрозой насилия.

Однако, как замечают М. Хардт и А. Негри, Империя, представленная западным миром, и в первую очередь США, не так всемогуща, как кажется. Желание доминировать во что бы то ни стало и выкачивать ресурсы из периферии приводит к стремительному росту территорий, где развиваются процессы, угрожающие Империи и наносящие по ней асимметричные удары. Современная всеобщая война ведется в «серой» зоне и имеет сетевую природу. Несомненно, правы М. Хардт и А. Негри, когда утверждают, что «в мире, где насилие не будет считаться легитимным, в принципе допустимо называть всякое насилие терроризмом» [2, с. 43]. В мире Империи войну нельзя выиграть, она тотальна. Единственной альтернативой всеобщей войне в пространстве Империи, с точки зрения М. Хардта и А. Негри, является мир Множества, который способен заменить имперскую фрагментарность серых зон войны и силовой порядок творческим взаимодействием «сингуляриев», составляющих множество. Однако на пути преобразования Империи в мир Множества есть препятствие: множеству «нужно трансформировать свое сопротивление в какую-то форму конституирующей силы, создающей общественные взаимоотношения и институты нового социума» [2, с. 420].

В настоящее время сопротивление множества больше похоже на действие «глобального террориста», ведущего тотальную партизанскую войну. Иная трактовка современной войны как тотальной представлена в концепции К. Шмитта. Так, К. Шмитт отмечает, что в рамках классического военного права партизан мог быть лишь периферийным явлением, представляющим собой либо вид легкого, особенно подвижного, но регулярного отряда; либо преступника, стоящего вне норм права, по существу подрывающего правила ведения войны, по отношению к которому не действуют никакие юридические нормы

и конвенции [3]. Однако уже в рамках событий Великой французской революции появляется фигура партизана и феномен «тотальной войны», хотя окончательно утверждаются на практике они только в эпоху позднего Модерна. Своеобразная легализация «партизанской войны» и «тотальной войны» происходит уже в эпоху Постмодерна. В частности, современная международная ситуация, события в Ливии, Сирии, Украине демонстрируют усиление «партизанских» и, как следствие, террористических тенденций в ответ на новую волну глобализационных процессов и атлантистской экспансионистской политики.

Рассматривая основные характеристики партизана, Шмитт выделяет, прежде всего, его нерегулярность. Кроме того, для партизана характерна интенсивная политическая ангажированность (приоритет именно политического), что позволяет отличать его от разбойника и преступника, чьими мотивами, прежде всего, выступает личная корысть. Еще одна особенность партизана — повышенная мобильность, позволяющая наносить неожиданные удары по врагу и быстро скрываться от преследования. Партизан, как говорится, «носит фронт с собой»; военные действия разворачиваются и сворачиваются, где угодно, что ставит противника в тупик. Одновременно с этим в партизане очень силен теллурический момент, связь с почвой, с автохтонным населением и географическим своеобразием страны. Именно оборонительный и почвеннический характер партизанских действий создает своеобразную легитимность этому движению [3]. Партизан защищает свой мир и свою землю, поэтому он прав. В практике действий партизана срабатывает особая логика: будучи «вне закона», с точки зрения государства, партизан ссылается на Идею (почву, нацию), как более высокую форму легитимности, в противоположность обычной законности. В этом смысле, по мнению К. Шмитта, если партизан не легален, то он действительно легитимен.

В современную эпоху информационно-идеологических и сетевых войн фигура партизана обнажает и свою противоположную сторону, превращаясь, зачастую, в фигуру террориста, возможность и негативные последствия чего К. Шмитт также предвидел. В качестве характеристик современного глобального терроризма отметим следующие: безграничность и тотальность; детерриторизация и сетевая природа; смешение военных и полицейских задач, что позволяет трансформировать войну в полицейскую акцию под видом «гуманитарной интервенции»; стирание различий между войной и миром, что в принципе, не дает войне завершиться мирным договором. Таким

образом, современная война – это тотальная война, и она будет сохранять свой тотальный характер до тех пор, пока партизан или глобальный террорист будут рассматриваться как преступники и, соответственно, выводиться за границы политического. Это не означает, что теракты не являются преступлениями. Задача К. Шмитта заключается в том, чтобы подчеркнуть, что это политические преступления.

Двойственная и антиномичная природа войны лучше всего, на наш взгляд, отражается в такой характеристике тотальной войны, как ее гибридный характер. Цели тотальной гибридной войны уже не являются политическими в традиционном смысле, они связаны с «политикой идентичности» в большей степени, чем с идеологически или геополитически детерминированным «национальным интересом». В обществе постмодерна происходит распадение прежних прочных форм социальной идентичности – класса и нации – и переход к более гибким и открытым формам. В обществе раннего модерна конструирование социальной идентичности являлось достоянием, прежде всего, интеллектуальной и коммерческой элит, представлявших себя «двигателями прогресса»; в период организованного модерна основные формы социальной идентичности – класс и нация – представляли как квазинатуральная данность. Деконвенционализация социальных практик обуславливает расширение социального пространства для творческого конструирования идентичности. Освобожденная от уз общественной функциональности, социальная идентичность приобретает свободный игровой характер театральной самопрезентации личности, становится высокоиндивидуализированной, неустойчивой и текучей. Тотальная гибридная война во многом стала возможна благодаря легитимации игры в идентичности, так как предполагает гибридность самой самоидентификации. Так, например, на стороне так называемого «Исламского государства» (ИГ) воюют представители разных национальностей и выходцев из разных стран, т. е. в ИГ реализуются новые правила гражданства. «Солдаты» ИГ – это люди со смешанной гибридной идентичностью, для которых ислам выступает лишь внешним фоном, а не основанием для выстраивания собственного идентификационного проекта. В силу этого практически невозможно четко определить ценности и установки «солдата». Маска и черный цвет стали единственными маркерами идентификации.

Гибридный характер тотальной войны предполагает размытость территории боевых действий, фрагментарность сетевого пространства. В силу этого, как ведение боя, так и контроль территории перестают быть главным средством

войны. Гибридная война предполагает возможность военных действий как на линии фронта, так и на удаленных от места активных действий территориях. Наглядным примером образования теневого «серых» зон войны в настоящее время становится Европа, а ИГ представляет собой сеть с подвижной территориальностью, которая все время меняет свои границы.

Размытость территории и мозаика идентичности высветили еще одну особенность тотальной гибридной войны – это смещение комбатанта и не комбатанта. Поэтому гибридную войну можно определить как войну с мирным населением. Все это, в свою очередь, приводит к потере «чувства боевого пространства»: гибридный «солдат» может скрываться среди мирного населения, быть не похожим на типичного врага (вспомним, что и сам типаж врага теперь с трудом определим) и использовать «электронное убежище». Сегодня одновременно с массовым потоком мигрантов, спасающихся от ИГ, проникают в Европу и «невидимые бригады», чью логистику можно сравнить с челночным движением. Таким образом, территориальность и субъектность современной войны изменчивы и практически неопределимы.

Ведение тотальной гибридной войны осуществляется за счет специфической военной экономики, которая децентрализована, зависит как от внешних источников (гуманитарная помощь, участие диаспор, торговля нефтью, золотом, хлопком и т. д.), так и от криминальных доходов. Таким образом, гибридная война – это не только острая форма столкновения цивилизаций Востока и Запада. Само ее ведение возможно за счет использования гибридных технических средств разных типов обществ: доиндустриального, индустриального и постиндустриального. Так, одновременно используется как самодельная взрывчатка, так и разработки информационного общества, что, в целом, делает проблематичным как контроль за ситуацией, так и прогнозирование последующих атак. Новая война – это совмещение реальной атаки и символического насилия. Символический терроризм как одно из самых эффективных средств тотальной войны нацелен не на максимальное количество жертв, а на специфический эффект от максимально семиотического ущерба.

Гибридная война предполагает также смещение угроз, т. е. национальные государства в современном глобализирующемся мире сталкиваются как с внешней, так и с внутренней угрозой. Другими словами, как справедливо отмечает М. Кадор, новые войны в обществе постмодерна стали одним из эффективных средств свержения политических режимов, ведения партизанских войн, развязывания гражданских войн.

Тотальная гибридная война «стирает границы между военными действиями, вооруженным восстанием, массовым нарушением прав человека и организованной преступностью» [4, с. 124]. Таким образом, тотальную войну, вслед за М. Калдор, можно определить как «мягкую силу»: когда социальная система находится в критическом положении, точке бифуркации, тогда даже малое воздействие на нее может привести систему в иное состояние и получить искомым переход. Гибридная война подпитывается страхом перед насилием, поэтому достаточно лишь угрозы или демонстрации казни заложников для того, чтобы расшатать общество.

Заключение. Таким образом, общество пост-модерна, утратившее конвенциональность и девальвировавшее базовые принципы международного права, но сохранившее ядерное оружие, породило такой косвенный путь действия, как тотальную гибридную войну, осмысление и противодействие которой является на сего-

дняшний день одной из главных задач как военной теории, так и социально-гуманитарного знания. Противодействовать тотальности новой войны весьма сложно потому, что она, согласно М. Калдор, реализуется в век бифуркации посредством «мягкой силы» и осуществляется в «серых зонах» глобализационного мира. В концепции М. Хардта и А. Негри тотальность всеобщей войны предстает как утопия, с другой стороны, К. Шмитт акцентирует реальность тотальной войны с терроризмом, которую по определению невозможно ни выиграть, ни проиграть. Вывод однозначен: современный мировой порядок базируется на тотальной войне, а партизан, отражая все характеристики Множества, будет трансформироваться в террориста до тех пор, пока не будет признан как политический субъект. Только тогда, согласно мысли К. Шмитта, можно противостоять терроризму как тотальной войне в мирное время и найти решение прекращению этой войны.

Литература

1. Фурс В. Н. *Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса*. Минск: Экономпресс, 2000. 224 с.
2. Хардт М., Негри А. *Множество: Война и демократия в эпоху империи* / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 508 с.
3. Шмитт К. *Теория партизана*. URL: <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf> (дата обращения: 23.03.2015).
4. Kaldor M. *New and Old Wars: Organized violence in a global era*. Cambridge: Polity, 2012. 268 с.

References

1. Furs V. N. *Filosofiya nezavershennogo moderna Yurgena Habermasa* [Unfinished modern philosophy of Jurgen Habermas]. Minsk, Ekonompress Publ., 2000, 224 p.
2. Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: Voyna i demokratiya v epokhu imperii* [Multitude: War and democracy in the age of Empire]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 508 p.
3. Shmitt K. *Teoriya partizana* [The theory of the partisan]. Available at: <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf> (accessed 23.03.2015).
4. Kaldor M. *New and Old Wars: Organized violence in a global era*. Cambridge, Polity Publ., 2012. 268 p.

Информация об авторе

Сидоренко Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь). E-mail: irina2000@rambler.ru

Information about the author

Sidorenko Irina Nikolaevna – PhD (Philosophy), Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Methodology of Science. Belarusian State University (9, Kal'variyskaya str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: irina2000@rambler.ru

Поступила 15.03.2016